

Соціальна філософія і філософія історії

УДК 141.33

О. П. ВЛАСОВА¹, Н. П. КОСТЮК²

¹Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна (г. Днепропетровск), эл. почта olga.vlasova@gambler.ru, ORCID 0000-0003-1755-0853

²Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна (г. Днепропетровск), эл. почта 4800521@gmail.com.

ФИЛОСОФИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ И СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕ XVIII В.

Цель работы – показать, каким образом биологическая основа «природных» качеств мужчин и женщин была подвергнута сомнению в трудах писательниц – «феминисток до феминизма», несмотря на диктат специфических гендерных норм классической философии того периода, определивших идеологию, психологию и мышление относительно роли обоих полов как в публичной сфере, так и в личной жизни. Картина западноевропейского мира конца XVII – начала XVIII вв. анализируется в данной статье с помощью категорий гендера, выступающего не только и не столько в качестве социокультурной роли или признака, сколько методологии. **Научная новизна** исследования состоит в создании более полной полифонической картины социокультурной жизни западноевропейского Просвещения, в отходе от «однополой» интерпретации философии и культуры Просвещения, в доказательстве того, что уже в то время в истории, в социуме и культуре были два субъекта – представители обоих полов. Анализ оригинальных как философских, так и художественных текстов позволяет сделать **вывод** о том, что ранние феминистки были уверены: рациональные способности мужчин и женщин не отличаются, сексуальные различия irrelevantны в вопросах интеллектуального и морального образования.

Ключевые слова: просвещение, сексуальные различия, феминизм, гендер, эссенциализм, образование, рационализм, частная сфера, литература.

Актуальность

Несмотря на все различия между мыслителями, начиная с Платона и Аристотеля и заканчивая Фуко и Хабермасом, традиционные концепты западной философской мысли основываются на дихотомиях «рациональное-иррациональное», «разум-эмоции», «дух-природа», которые конструируются через исключение женщин из публичной сферы и утверждение вторичности всего того, что представляет фемининность. Однако в Новое время мысль о том, что женщины благодаря своим «природным» способностям играют особую социокультурную роль, привела к проблеме, которую не удалось разрешить до сих пор: если «человеческая природа» мужчин и женщин различна, женские и мужские качества не имеют одно и то же политическое и культурное значение, в чем же именно тогда состоит значение различий между мужчинами и женщинами. В этом случае становится особенно важным обращение к текстам мыслителей Просвещения: как классическим философским трудам, так и феминистским работам женщин-

писательниц конца XVII – начала XVIII в.в.

Не пытаюсь прокомментировать тот значительный критический материал, который был написан в последние годы о вкладе Уоллстоункрафт в теорию феминизма (Э. Шоултер, Т. Чантер, Н. Пахсарьян, Т. Власова и др.) хотелось бы отметить особый аспект её работы - исследование мужской «галантности», иллюстрирующее её непростое представление о равенстве полов (Н. Костюк, Э. Скиба, Ю. Макешина и др.). В этой связи возникает вопрос: почему «обновленная» рыцарственность приобретает такое влияние среди прогрессивно мыслящих британцев того времени? Некоторые исследователи находят ответ скорее в ослаблении, чем ужесточении гендерных отличий и, в целом, гендерного разделения в конце XVIII столетия. Феминистская социальная теория М. Уоллстоункрафт в значительной степени зависела от современной ей концепции человека и возможностей его становления. Разумное общество - это такое общество, которое учитывает характер и потребности человеческой природы и строит свою жизнь на этой основе. Безусловно, Уоллстоункрафт, обращаясь за поддержкой к

Соціальна філософія і філософія історії

мужскому разуму и оппонирова ему, строила свои умозаключения на просвещенческой концепции «Человека рационального». Данная проблематика, являясь весьма актуальной, занимает особое место в современной феминистской теории. В отечественной науке ее литературоведческие аспекты были затронуты в исследованиях Т.И. Власовой. Философская акцентуализация данной проблемы в украинской философской теории до настоящего времени не рассматривалась.

Цель исследования

Данная статья поднимает вопрос о том, насколько содержание «программного» романа Руссо «Эмиль», как и других произведений философов Просвещения, повлияло на теоретические положения «феминисток до феминизма», каким образом женщины-мыслители этого периода, работы которых до сих пор исключаются из числа канонических текстов, доказывали, что женщины способны внести уникальный вклад в историю и культуру, обладая такими же рациональными способностями, как и мужчины. Несмотря на то, что между ранними феминистками имелись существенные разногласия, они все были согласны в том, что одним из величайших зол, причиненных женщинам, было лишение их права на рациональное мышление и, следовательно, права участвовать в публичной сфере в качестве полноправных граждан государства. Задача исследования – показать, что само построение философского канона Просвещения служило инструментом для достижения и построения такого положения.

Изложение основного материала

Как известно, Просвещение определялось многими учеными, и в конце XVIII в. современники понимали: то, что итальянцы называли «Illuminismo», французы – «Lumières», а немцы – «Aufklärung», было отнюдь не одно и то же. С подобным разнообразием неудивительно, что берлинский пастор Й. Ф. Зольнер в своей статье, которая была опубликована в 1783 г. (кстати, на тему брака), писал: «Что такое Просвещение? Этот вопрос столь же важен, как и вопрос, что есть истина. На такой вопрос следует ответить прежде, чем начать просве-

щать себя. Но я никогда еще не видел никого, кто ответил бы на этот вопрос» [1, с. 1]. Но все же знаменитые слова Кондорсе (возглавившим, кстати, «партию защитников» равноправия полов во Франции): «Придет время, когда солнце будет светить только на свободных людей, у которых нет иного повелителя, кроме разума» содержат два главных, на наш взгляд концептуальных момента Просвещения – свободу и рациональность [2].

Тот же Кондорсе писал: «... есть в разуме или в сердце женщин такие качества, вследствие которых их нужно лишить естественных прав? Обратимся к фактам. Елизавета Английская, Мария-Тереза, обе российские Екатерины засвидетельствовали, что женщинам достаёт и душевной силы, и храброго духа» [2, с. 33]. И Приюдом, и Кондорсе, и Питамар полагали, что именно низкий уровень образования женщин является препятствием на пути социального прогресса, но, безусловно, это не означало, что общая «ситуация Просвещения» была дружелюбна по отношению к женщинам. Ж.-Ж. Руссо предположил в своей пятой книге «Эмиля» самую влиятельную социобиологическую доктрину, аргументирующую социальные различия в образовании для юношей и девушек.

Описание Софи построено таким образом, чтобы показать, какая женщина требуется Эмилю. Руссо не задается вопросом, какой мужчина нужен Софи, какое он должен получить образование и т. д. [3, с. 357]. Вместо этого характер Софи и ее образование представлены только в терминах того, что может потребоваться Эмилю от компаньонки – Софи. То есть женщина – это естественное (природное) дополнение к мужчине, потому она и должна вести себя соответственно. Женщина сотворена специально, чтобы угождать мужчине, и потому она должна быть приятной и услужливой [3, с. 358]. Женщина должна быть хозяйкой в своём доме, она должна владеть «материальными» искусствами, она должна получить у своих родителей соответствующее образование, чтобы быть неглупым партнером своему мужу, но в то же время не превосходить его по уму [3, с. 386, 409]. Ей не нужно получать религиозное образование, поскольку именно мужчина наставляет женщину в этих вопросах [3, с. 377]. Она должна быть мягкой, нежной, честной,

Соціальна філософія і філософія історії

усердной, изящной, одеваться просто, вести себя скромно, всех очаровывать и восхищать. Она должна быть мудрой, добропорядочной и спокойной [3, с. 383]. Она должна культивировать приятные таланты, которые помогут развлекать её будущего мужа, чтобы способствовать счастьем его жизни [3, с. 374]. Руссо отклоняет предположение, что, рекомендуя «сексуальное различие», он рекомендует «сексуальное неравенство». Он отвергает любое предложение об утверждении превосходства мужчин. Женский пол ставится ниже только в сравнении со стандартами противоположного пола, но, поскольку пол отличается, мужчин и женщин нельзя сравнивать. Поэтому мужской и женский пол рассматриваются как равные, тем более что их нужно понимать и оценивать в их собственных терминах, а не на языке противоположного пола. Каждый пол вносит свой вклад в общее дело, но не одинаковым способом [3, с. 358]. Руссо так формулирует эту мысль: «Женщина стоит выше как женщина и ниже как мужчина. Когда она использует свои права, у неё есть преимущества. Когда она пытается узурпировать нас, она становится ниже нас» [3, с. 363-364].

Великий просветитель полагает, что один из главных естественных атрибутов женщины – это её скромность как природное ограничение ненасытной страсти мужчин, а потому Софи должна «измерять свои милости», сексуально сопротивляясь Эмилю [3, с. 477-479], что совпадает с общим анализом желания, предложенным Руссо: по сути, это в сжатой форме руссоистская «экономия желания». Последнее генерируется скрыванием, утаиванием, сопротивлением и завуалированностью. По Руссо, женщины должны намеренно вызывать и поддерживать мужское желание, провоцируя его посредством сопротивления. Возможно, это связано с тем, что, по Руссо, маскулинность очень хрупка, и чрезмерный контакт с женщинами может подвергнуть её риску – риску феминизации.

Именно в таком напряженном взаимодействии функционалистских и эссенциалистских идей феминности создавались популярные в то время книги правил поведения для девушек высшего общества. Автор книг, предлагающий советы в таком формате, должен был лавировать между тем, что (по его представлениям)

женщина есть, и тем, что общество требует от неё. Хорошим примером последнего может послужить книга Джона Грегори «Отцовское наследие дочерям» («A Father's Legacy to his Daughters», 1774).

Дж. Грегори, известный в своё время шотландский философ-моралист, современному читателю скорее всего знаком по атакам на него Мери Уоллстоункрафт в «Защите прав женщины». Как отмечают ученые, за предписаниями Грегори отчетливо виден натуралистический нарратив прогресса человека от дикого состояния до утонченности. Для него женщины – это и воплощение природного, на фоне чего хорошо прослеживается эволюция мужчины, и хранилище цивилизации. Это то, что М. Моран называет одновременной натурализацией и историзацией женского пола [4, с. 8-29].

Хотя Грегори не защищает идею возврата к природному состоянию общества, он зачастую прибегает к «естественному» как критерию искажений и извращений цивилизации. Двойное понимание цивилизации у Грегори – это одновременно частичное искажение и положительный результат природной энергии и общительности женщин. Именно последнее обуславливает противоречивость его советов дочерям, условность его предупреждений о том, что они должны маскировать свой ум, образованность, мысли и желания из уважения к общественному мнению, уступая стереотипным гендерным представлениям, и в то же время настойчивость его советов следовать своим женским природным чувствам.

Если труд Грегори является примером парадоксов, отраженных в просветительском описании женщины как воплощения природы и хранилища цивилизации, то М. Уоллстоункрафт в своей классической работе «Защита прав женщины» (1792) стремится показать, что эти парадоксы есть результат скрытой и завуалированной атаки мужчин на даже отдаленную возможность гендерного равенства. В конце XVIII ст., как отмечают учёные, галантность представляла собой не старомодную куртуазность мужчин старшего возраста по отношению к молодым женщинам, но модернизированный набор правил для сексуального взаимодействия. Само понятие «галантность» по отношению к женщине вызывало разную реакцию в ученном мире. Шефтсбери, например, от-

Соціальна філософія і філософія історії

клонял такое отношение как «французское, фатоватое, пустое и женоподобное» [5, с. 138], а Д. Юм реабилитировал его, провозглашая его «естественность в наивысшем смысле» [6, с. 30-52].

Как утверждает Тейлор, галантность приобретает новое значение с 70-х годов XVIII в., когда это понятие начинают ассоциировать с почтительным отношением к добродетели, скромности и высокой моральной чувствительностью дам, то есть – рыцарственностью. Указанные качества приобретали нормативный аспект; социальная, семейная и религиозная «чувствительность» вызывала мужское уважение, при этом эрудиция и умение вести аргументированный спор нарушали правила рыцарственных отношений.

Б. Тейлор, например, интерпретирует «новую галантность» как завуалированный «мертвый ход», попытку разорвать традиционные различия между полами, переписывая их в выражениях более приятных и лестных для женщин. М. Уоллстоункрафт, как и некоторые другие писательницы того периода – М. Хейз, Х. М. Вильямс, видела «игры галантности» в их истинном свете. Но в то же время многие просвещенные женщины (Э. Монтагу, С. Добсон, Х. Мор) искали некие возможности и ресурсы в возрождении рыцарственности.

Возвращаясь к Уоллстоункрафт, можно отчетливо увидеть, насколько она опережала своё время, понимая, что сознательный гендерный прогресс Просвещения становится ещё более коварным в исторических костюмах. В русле основной темы данного исследования чрезвычайно важно подчеркнуть: разум и чувство – главная оппозиция в научной ткани её «Защиты» и источник главных противоречий её самой главной работы. Исследователи отмечают, что особое внимание к этой дихотомии и чрезвычайная вера в силу разума, в его способность реформировать социально-политическую жизнь позволяют уверенно говорить о Уоллстоункрафт как о представительнице эпохи Просвещения [7, с. 159].

Её убеждение в огромной роли разума во всех сферах человеческой жизни породило целый ряд противоречий и парадоксальных утверждений. Она ясно понимала, что освобождение женщин от политического гнёта – это не просто предоставление им избирательных прав,

поскольку в частной сфере они также находятся в положении зависимости. Как известно, в XVIII веке о понятии равноправия говорили только применительно к публичной сфере. В «Защите» Уоллстоункрафт убедительно доказывает, что власть и авторитет, которыми мужчины обладают в частной сфере, так же искусственны, как и авторитет королевской семьи и аристократии в сфере политики [8].

Она утверждает, что поскольку человеческая сущность мужчин и женщин основана на их Богом данной способности к разуму, то и их добродетели должны быть одинаковы. Это значит, что для Уоллстоункрафт добродетель хорошей жены и матери не могла рассматриваться как «естественная», и здесь знаменитая мыслительница вступает в разногласия с концепциями Руссо. Женщины должны получать образование и знания, чтобы иметь возможность делать разумный выбор, писала она, только в этом случае имеет смысл говорить об их ценных качествах. Она также не соглашалась с Руссо, что суетность, слабость и фривольность являются естественными атрибутами женского пола [8, с. 129]. Пытаясь доказать, что женщинам не в меньшей степени, чем мужчинам, дано право на политическое равенство, Уоллстоункрафт высказывает парадоксальные утверждения. В своей попытке распространить принципы либерального равноправия на женщин она упускает из виду то, что эти принципы были разработаны и сформулированы применительно к мужчинам. Пытаясь распространить эти принципы на женщин, она сталкивается и с концептуальными, и с практическими трудностями. Как справедливо пишет М. Гейтенс, либеральные принципы были разработаны в расчете на мужчину, который должен быть главой семьи, и бытовые потребности которого должны удовлетворяться его женой. Хотя понятие «гражданин» и не соотносится однозначно с понятием «мужчина», его основные характеристики совпадают с характеристиками отца/ мужа [7, с. 160-161]. Даже самые логичные рассуждения не могут изменить тот факт, что принадлежность к мужскому или женскому полу приводила в XVIII в. к разным социальным последствиям. Уоллстоункрафт вела не только скрытую полемику с Руссо, но и открыто высмеивала его идею о природном состоянии человека, когда он свободен от социальных огра-

Соціальна філософія і філософія історії

ничений. Она пишет, что мир требует «руки мужчины» для своего усовершенствования, но это физически невозможно, если человек будет оставаться в «золотом веке глупости» Руссо [9, с. 318]. Уоллстоункрафт постоянно писала о необходимости «улучшении» мира, о его будущем усовершенствовании, имея в виду и общественный прогресс, и семейную жизнь. В одном из «Писем» (XIX) она замечает, что дружба и семейное счастье постоянно восхваляются, но и семейной любви, и домашнего счастья очень мало в мире, очевидно, потому, что последнее требует большего развитие ума для сохранения любви в наших сердцах, чем люди обычно полагают [9, с. 321-322].

Мери Хейз, подруга М. Уоллстоункрафт, во многом разделявшая её взгляды на положение женщин, в своём знаменитом «Обращении к мужчинам Великобритании от лица женщин» пишет: «Из всех систем, – если, действительно, узел противоречий и абсурдностей можно назвать системой, – которые создала человеческая природа в моменты интоксикации, совершенно абсурдной является та, которую изобрели мужчины с целью формирования умов и регулирования поведения женщин» [10, с. 325]. Хейз, верная последовательница просвещенческих идей, сразу же акцентирует проблему рациональности, восклицая: «Какой хаос! Какая смесь силы и слабости, рассудка и глупости, утонченного чувства и полной бесчувственности ... в мужском воображении, – давшем их милым сердцу красоткам имя женщины! И как это не похоже на отца богов и мужчин, веселого и галантного Юпитера, который, сделав мудрость плодом своих мозгов, представил её восхищенному миру в образе женщины» [10, с. 325].

После перечисления многочисленных примеров того, какой мужчины хотят видеть женщину, Хейз приходит к заключению, что ожидаемое от женщины поведение требует от неё зачастую твердости, которую мужчины приписывают ей для своего собственного удобства и для последующего восхищения как средства защиты. Подобные требования к женщине вступают в противоречие с природой, умом и здравым смыслом [10, с. 328].

М. Хейз как соратница М. Уоллстоункрафт поддерживает тезис последней о просвещенческом понимании природы человека, подчерки-

вая, что женщина не меньше, чем мужчина, обладает этой природой. Вслед за Уоллстоункрафт она пытается показать в ходе своего анализа, что «господствующее представление относительно характеристик пола всегда было губительно для морали». Она пытается доказать, что разум не имеет пола, что человеческое сознание лишено пола. Как и Уоллстоункрафт, она утверждает, что различие между полами состоит лишь в различии между мужским и женским телом и имеет значение только в одном отношении – воспроизводстве рода.

По Уоллстоункрафт, патриархатное правление – столь же неразумное основание общества, как и монархическое правление. Уоллстоункрафт упрекает философов Просвещения в том, что, объявляя существующую власть незаконной, они не идут дальше. Она утверждает, что «божественное право мужей» должно быть оспорено так же, как и «божественное право королей». Как пишет М. Гейтенс, доказывая своё представление о женских правах, Уоллстоункрафт часто использует прием «reductionadabsurdum» [7, с. 167]. Она постоянно оспаривает мнения своих оппонентов в вопросах о роли и обязанностях женщин, вскрывая непоследовательность их аргументации. Её основной прием состоит в следующем: мужчины утверждают, что права и обязанности обуславливают друг друга, отрицая при этом права женщин, однако от женщин они ожидают, что те будут чтить свои обязанности.

Уоллстоункрафт гениально заметила следующую важную мысль, играющую основополагающую роль в последующих феминистских определениях: любые женщины, женщины «всех расцветок и мастей», отторгаются мужским миром и вытесняются из мужской картины мира, то есть феминистское исследование – это исследование того, что находится за рамками некой концептуальной схемы, и потому оно изначально проблематично. Уоллстоункрафт блистательно показала, что онтологический дуализм, базирующийся на оппозиции «Я/ Другой», даёт начало двум взаимосвязанным подходам к человеку и проблемам этики: патриархатному и индивидуалистическому.

В самом конце XVII в. философ и писатель-просветитель Мери Эстелл писала, что женщина редко является субъектом истории и сама история не проявляет к женщине интереса:

Соціальна філософія і філософія історії

«Поскольку мужчины являются историками», они редко снисходят до записей великих и добрых деяний женщин, а когда они замечают их, то делают это с великомудрой оговоркой о том, что подобные женщины были в своих поступках выше своего пола [11, с. 3]. В следующие сто лет произошли радикальные изменения в мировосприятии женщин, – как внутреннем, так и внешнем; последнее было бы невозможно без писательниц-феминисток, целью которых была борьба не за политическое равноправие с мужчинами, но за равный с ними доступ к образованию и рациональным методам достижения окружающего их мира.

Научная новизна

Научная новизна статьи заключается в раскрытии сути концепта «новой», «рациональной женщины» Просвещения, непосредственно связанной с феминистской мыслью этого периода, воспринимаемой не только в качестве философской теории, но и художественных образов произведений писательниц конца XVII в. – начала XVIII в.в.

Выводы

1. Просвещенческая идея о том, что общество может развиваться не только экономически, но и в моральном отношении, образовании, культуре повлекла переоценку не только истории, но всего цивилизационного процесса. Эта переоценка привнесла идею о том, что женщины также имеют свое «место» в культуре и что они, несмотря на неизменность своих биологических и семейных ролей, так же, как и мужчины, могут меняться вместе с изменяющимся временем. Последнее выдвинуло на передний план просвещенческой «повестки дня» мысль о том, что образовательный уровень и статус женщин в обществе являются важными инструментами исторического прогресса. 2. Анализ концепций Руссо позволяет сделать вывод о том, что, затрагивая многие проблемы, представляющие интерес для «постсовременного» феминизма, Руссо чертит портрет современной ему «цивилизованной» женщины, помещая его на фоне восхваляемой им «естественной» женщины. В «Эмиле» предполагается, что активный и сильный мужчина правит пассивной и послушной женщиной, но этот нарратив дестабилизируется описанием мужчины, легко подавляемого женщиной, и описанием его силы, зависящей от интенций и желаний женщины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Outram D. The Enlightenment. New Approaches to European History. – Columbia Univ. Press, 2013. – 184 p.
2. Кондорсе, Прюдо, Пітомар. Слова чоловіків. – Упор Е. Бадентер. – К.: Альтерпрес, 2006. – 400 с.
3. Rousseau J.-J. Emile, or On Education/ Jean-Jacques Rousseau. – Ed. Ch. Kelly. – Dartmouth, 2009. – 812 p.
4. Moran M.C. Between the Savage and the Civil/ Michael Moran// Women, Gender and Enlightenment. – Ed. B. Saylor, S. Knott. – Palgrave, 2007. – 792 p.
5. Pearsall R. The Worm in the Bud/ Ronald Pearsall. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1969. – 560 p.
6. Taylor B. Feminists versus Gallants: Manners and Morals in Enlightenment Britain/ Brian Taylor// Women, Gender and Enlightenment. – Ed. B. Saylor, S. Knott. – Palgrave, 2007. – 792 p.
7. Гейтенс М. «Притеснение моего пола»: Уоллстоункрафт о разуме, чувстве и равенстве/ Мойра Гейтенс// Феминистская критика и ревизия истории политической философии. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 159-181.
8. Wollstonecraft M. A Vindication of the Rights of Woman/ Mary Wollstonecraft. – London: Penguin, 1975. – 340 p.
9. Wollstonecraft M. Letters Written during a Short Residence in Sweden, Norway and Denmark/ Mary Wollstonecraft// Anthology of British Women Writers. Ed. D. Spender, J. Todd. – London: Pandora, 1989. – P. 311-324.
10. Hays M. Appeal to the Men of Great Britain in Behalf of Women/ Mary Hays// Anthology of British Women Writers – Eds. D. Spender, J. Todd – London: Pandora, 1989. – 925 p.
11. O'Brien K. Women and Enlightenment in Eighteenth Century Britain. Cambridge Univ. Press, 2009. – 792 p.

Соціальна філософія і філософія історії

О. П. ВЛАСОВА¹, Н. П. КОСТЮК²

¹Дніпропетровський національний університет залізничного транспорту імені акад. В. Лазаряна (м. Дніпропетровськ), ел. пошта olga.vlasova@rambler.ru, ORCID 0000-0003-1755-0853

²Дніпропетровський національний університет залізничного транспорту імені акад. В. Лазаряна (м. Дніпропетровськ), ел. пошта 4800521@gmail.com.

ФІЛОСОФІЯ ПРОСВІТНИЦТВА І СТАТУС ЖІНКИ У СУСПІЛЬСТВІ XVIII СТ.

Мета роботи – показати, яким чином біологічна основа «природних» якостей чоловіків та жінок була піддана сумнівам у працях письменниць - «феміністок до фемінізму», які визначили ідеологію, психологію та мислення відносно ролі обох статей як в публічній сфері, так і в особистому житті, не дивлячись на диктат специфічних гендерних норм класичної філософії того періоду. **Наукова новизна** дослідження полягає в тому, що картина західноєвропейського світу кінця XVII – початку XVIII ст. аналізується в даній статті за допомогою категорій гендера, який виступає не тільки і не стільки в якості соціокультурної ролі чи ознаки, скільки методології. Останнє дозволяє створити більш повну поліфонічну картину соціокультурного життя західноєвропейського Просвітництва. Наукова новизна дослідження складається також у відході від «одностатевої» інтерпретації філософії та культури Просвітництва, в доказі того, що вже в цей час в історії, в соціумі та культурі були два суб'єкти – представники обох статей. Аналіз оригінальних як філософських, так і художніх текстів дозволяє зробити **висновок** про те, що, ранні феміністки були впевнені: раціональні здатності чоловіків та жінок не відрізняються, сексуальні відмінності іррелевантні у питаннях інтелектуальної та моральної освіти.

Ключові слова: Просвіта, сексуальні відмінності, фемінізм, гендер, есенціалізм, освіта, раціоналізм, приватна сфера, література..

О. P. VLASOVA¹, N. P. KOSTYUK²

¹Dnipropetrovsk National University of Railway Transport named after Academician V. Lazaryan (Dnipropetrovsk), e-mail olga.vlasova@rambler.ru, ORCID 0000-0003-1755-0853

²Dnipropetrovsk National University of Railway Transport named after Academician V. Lazaryan (Dnipropetrovsk), e-mail 4800521@gmail.com.

PHILOSOPHY OF EDUCATION AND THE STATUS OF THE WOMAN IN SOCIETY OF THE XVIII CENTURY

The purpose. The objective of this paper is to illustrate how the biological basis of the “natural” male and female characteristics is subjected to doubt in the books of the women-writers - “feminists before feminism” despite the dictatorship of the specific gender norms of the philosophical concepts of that period. These very concepts of the classical philosophy determined ideology, psychology and reasoning of both sexes in the Enlightenment including both public and private spheres. The “picture” of the sociocultural realia of that period is analyzed with the help of the gender which is used here not only as a role or feature but as **methodology**. The scientific novelty lies in constructing a more complete polyphonical picture of the sociocultural life in the epoch of the Enlightenment in rejecting the “one-sex” interpretation of the philosophy and culture of that period in assuring that there were two subjects in the Enlightenment history and culture-representatives of both sexes. The analysis of philosophical texts and fiction allows to make a **conclusion**: early feminists were sure that the rational capabilities of men and women do not differ the sexual differences are irrelevant in the problems of intellectual and moral education.

Key words: Enlightenment, sexual differences, feminism, gender, essentialism, education, rationalism, private sphere, literature.

Соціальна філософія і філософія історії

REFERENCES

1. Outram D. *The Enlightenment. New Approaches to European History.* – Columbia Univ. Press, 2013. – 184 p.
2. Condorcet, Prudhomme, Guyomar. *Paroles d'hommes (1790-1793).* Paris, Pol., 1989. 192 p.
3. Rousseau J.-J. *Emile, or On Education/ Jean-Jacques Rousseau.* – Ed. Ch. Kelly. – Dartmouth, 2009. – 812 p.
4. Moran M.C. *Between the Savage and the Civil/ Michael Moran// Women, Gender and Enlightenment.* – Ed. B. Saylor, S. Knott. – Palgrave, 2007. – 792 p.
5. Pearsall R. *The Worm in the Bud/ Ronald Pearsall.* – London: Weidenfeld and Nicolson, 1969. – 560 p.
6. Taylor B. *Feminists versus Gallants: Manners and Morals in Enlightenment Britain/ Brian Taylor// Women, Gender and Enlightenment.* – Ed. B. Saylor, S. Knott. – Palgrave, 2007. – 792 p.
7. Gatens M. *“The Oppressed State of My Sex”: Wollstonecraft on Reason, Feeling and Equality// Feminist Interpretations and Political Theory.* Pennsylvania State University: Polity Press, 1991 288 p.
8. Wollstonecraft M. *A Vindication of the Rights of Woman/ Mary Wollstonecraft.* – London: Penguin, 1975. – 340 p.
9. Wollstonecraft M. *Letters Written during a Short Residence in Sweden, Norway and Denmark/ Mary Wollstonecraft// Anthology of British Women Writers.* Ed. D. Spender, J. Todd. – London: Pandora, 1989. – P. 311-324.
10. Hays M. *Appeal to the Men of Great Britain in Behalf of Women/ Mary Hays// Anthology of British Women Writers – Eds. D. Spender, J. Todd – London: Pandora, 1989. – 925 p.*
11. O'Brien K. *Women and Enlightenment in Eighteenth Century Britain.* Cambridge Univ. Press, 2009. – 792 p.

Поступила в редколлегию 30.04.2015

Принята к печати 21.05.2015